

0-497625

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛОСКУТОВА Ксения Никитична

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(на материале Конституций 1918 и 1936 годов)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2012

Работа выполнена на кафедре русского языка Филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Поцетия Дина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сидоренко Константин Павлович
(Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена)

кандидат филологических наук
Ткачева Ирина Олеговна
(Санкт-Петербургский государственный
университет)

Ведущая организация: Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

Защита состоится «27» сентября 2012 г. в 16:00 часов на заседании совета
Д. 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «24» августа 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000795937

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Руднев Д. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Сложившиеся лингвистические подходы к политическому языку ориентированы на изучение восприятия политической реальности человеком: прагматические исследования посвящены способам языкового влияния на сознание носителей языка с целью изменения их поведения, когнитивные исследования – отражению политической реальности в сознании человека. Данная диссертационная работа имеет целью представить язык конституционного права как системообразующую часть политического языка, объяснить, каким образом эта ядерная часть политического языка формируется в конституционно-правовых текстах, а также проанализировать развитие значений и системных связей советской политической лексики на материале текстов Конституции РСФСР 1918 года и Конституции СССР 1936 года.

Изменения, происходящие в обществе в переломные эпохи, являются одним из ведущих объектов гуманитарного исследования. Они могут быть обусловлены техническим прогрессом, сменой культурной парадигмы, власти, политического режима, идеологии. По этой причине язык политической деятельности, прежде всего лексический состав как его наиболее динамичная составляющая, не перестает притягивать внимание лингвистов. В XX веке Россия прошла через два периода кардинальных общественно-политических преобразований. Первым стал период Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, вторым – распад Советского Союза в декабре 1991 года.

Обилие нового лексического материала дало толчок к созданию множества работ, выполненных в традициях лексикологии и лексикографии. Первыми осмыслением изменений в лексике занимались такие исследователи, как Г.О. Винокур (1923), С.И. Карцевский (1923), А.М. Селищев (1928), Е.Д. Поливанов (1927). В 1930-40-е на первый план вышли Н.Я. Марр и его последователи с идеей отдельного описания «языка эксплуататоров» и «языка трудящихся» (Марр Н.Я. 1932, 1933, 1936;

Аптекарь Б.В. 1931; Быковский С.Н. 1934). Политическая речь анализировалась с точки зрения риторики и ораторского искусства (Сиротинина О.Б. 1983, 1992; Рождественский Ю.В. 1997; Романенко А.П. 2000, 2008; Паршина О.Н. 2007; Яшин В.Н. 2010). За рубежом исследованием русского языка советского периода занимался достаточно узкий круг специалистов – Р. Якобсон (1975), Г. Лассвелл (Lasswell H.D. 1927, 1949), Н. Хомски (Chomsky N. 1982, 1988), П. Серио (Sériot P. 1985), А. Вежбицкая (2001), В. Тимрот (Timroth W. 1986), Э. Дрейтсер (Dreitser E. 1978), Е. Бартминьски (2005). Много внимания в западной научной традиции уделялось многоязычию и языковой политике в СССР. Изучение русского языка входило в рамки исследований по так называемой советологии.

В советской научной традиции сама по себе принадлежность значительной части изучаемого материала к политической коммуникации не сформировала политической лингвистики как самостоятельного направления. В 1990-2000-е годы появились работы, которые содействовали становлению политической лингвистики как особой области исследований (Чудинов А.П. 2003; Будаев Э.В., Чудинов А.П. 2006; Чернявская В.Е. 2006; Киселев А.Г. 2010; Воробьева О.И. 2011). Начиная с 2006 года на базе Уральского государственного педагогического университета выходит журнал «Политическая лингвистика». Функционирует Фонд развития информационной политики.

В современном состоянии российская политическая лингвистика объединяет два типа исследований – исследования прагматического и когнитивистского толка. В исследованиях прагматического характера (Хазагеров Г.Г. 2006; Копнина Г.А. 2007; Шелестюк Е.В. 2008; Баскова Ю.С. 2009; Голубева Т.М. 2009; Иссерс О.С. 2009; Наумов В.В. 2010; Антонова А.В. 2011; Репина Е.А. 2012) изучаются возможности посредством языка воздействовать на поведение населения. Работы по когнитивистике, сформировавшиеся в значительной мере под влиянием (Lasswell H.D. & assoc. 1949; Merriam C.E. 1964), имеют целью изучить то, как политическая

реальность отображается в языке и сознании (Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997; Карасик В.И. 2004; Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов 2007; Пименова М.В. 2007). Все эти исследования учитывают многоаспектность политической коммуникации, в том числе экстралингвистические факторы. Исследователи, прежде всего, ориентируются на адресанта и адресата, будь то народ или власть, на их сознание, цели, реакцию. Поэтому часто в этих работах используются термины *дискурс*, *концепт*.

В контексте исследований, посвященных способам отражения общественно-политической реальности в языке, возникает вопрос о том, что такое общественно-политическая реальность, иными словами вопрос о денотативной стороне общественно-политической лексики. До сих пор этот вопрос не освещался с позиций политической лингвистики.

Общественно-политические явления абстрактны по своей сути, и для их обозначения используется лексика с абстрактным значением. Термин *референт* понимается как конкретный объект, *денотат* – как класс объектов мира (Кобозева И.М. 2000: 57-63). Каков класс объектов, с которым соотносится существительное *Президент*? Имеет ли существительное *Президент* в России в 1998 и 2003 году один и тот же денотат? А в современной России и в СССР в 1990 году? Имеет ли это существительное один и тот же денотат в словосочетаниях *Президент России*, *Президент США* и *Президент Германии*? Общественно-политические явления существуют в рамках традиций и ритуалов. Эти традиции, ритуалы и церемонии всегда закреплены в правилах, находящих воплощение в языке. Язык, таким образом, является главным ключом к пониманию сути общественных явлений, структуры и принципов организации общественных отношений.

Объектом данного исследования является советский политический язык, а именно официальный политический язык РСФСР и СССР первых

десятилетий советской власти. Выбор объекта исследования определялся его отдаленностью во временном плане и одновременно близостью эпохи, от которой нас отделяет лишь 70-90 лет. Именно в этот период закладываются основы советского политического языка.

Предметом исследования является конститутивная функция политического языка, то есть его способность формировать и оформлять общественно-политическую реальность. Данное свойство политического языка наиболее четко прослеживается в официальных политических текстах, прежде всего в текстах конституционного права, которое призвано устанавливать основы общественно-политического строя. Конституционно-правовыми текстами являются Конституция, а также иные нормативно-правовые акты, раскрывающие содержание Конституции.

Основной материал исследования составляют два текста, которые в письменном виде отразили официальную идеологию советского государства. Это Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 года и Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. Дополнительно привлекаются тексты Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1977 года и Конституции Российской Федерации 1993 года.

Цель данного исследования – описать язык конституционного права как системообразующую часть политического языка. Цель обуславливает основные **задачи** исследования:

1. раскрыть понятие «политический язык» и охарактеризовать основные направления его исследования;
2. описать основные направления в изучении языка права и обосновать включение языка права в состав политического языка;
3. обосновать понимание закона как коммуникативного акта;
4. определить особенности закона как коммуникативного акта в соотношении с перформативным высказыванием;

5. в соответствии с выявленными особенностями сформулировать методику выделения ключевых слов эпохи на материале правовых текстов;

6. на материале советских Конституций 1918 и 1936 годов дать системное описание ключевых слов политического языка и проследить динамику изменения их значения и системных отношений.

Актуальность данной работы определяется общественным интересом к периоду становления советского государства. Этот интерес прослеживается не только в научной, но и культурной жизни России последних лет. Актуальность подтверждается и интересом лингвистов к политической коммуникации, в том числе ее связям с культурным контекстом, кодом. Что касается общей парадигмы гуманитарного знания, то настоящее исследование соответствует тенденции рассматривать общество и культуру через призму языка. Эта тенденция известна как лингвистический уже, перформативный поворот.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые формулируется методика выделения ключевых слов общественно-политического языка эпохи, основанная на функциональной позиции слова в правовом акте. Эта методика апробирована в последней главе диссертации в ходе анализе правовых текстов первых десятилетий советской власти.

В теоретическом плане исследование вносит вклад в объединение правовой и политической лингвистики, а также углубляет понимание специфики правового акта как коммуникативного акта.

Практическое значение определяется обоснованием и апробацией методики выделения ключевых слов эпохи, которая применима при исследовании языков различных эпох и стран. Имеется возможность сопоставить результаты данного исследования с результатами других работ по политическому языку советского времени. Предлагаемый взгляд на закон как коммуникативный акт, может найти применение в юридической лингвистике, а также при чтении курса русского языка в юридических вузах для обучения студентов принципам толкования правовых актов. Данные

сравнительного анализа Конституций 1918 и 1936 годов (то есть Конституций нестабильного и стабильного общества) могут быть использованы в преподавании курса юридической техники для юристов с целью демонстрации потенциальных ошибок при составлении текста правового акта.

В работе используется описательный, а также сравнительно-сопоставительный методы. В рамках описательного применяется методика компонентного анализа. При анализе семантики лексических единиц в правовых текстах предлагается в первую очередь ориентироваться на такие компоненты значения, как «право», «запрет», «обязанность».

Апробация работы. Ключевые идеи, основные положения и результаты диссертационного исследования были апробированы на ряде научных конференций:

1) XXXVI Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, март 2007 года);

2) XXXVII Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, март 2008 года);

3) Международная научная конференция «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, сентябрь 2011 года);

4) XLI Международная филологическая конференция (г. Санкт-Петербург, март 2012 года).

Структура диссертационной работы отражает ход исследования и включает введение, четыре главы, заключение, список источников, список использованной литературы и словарей, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его теоретическая и практическая значимость, определяется предмет исследования, ставятся цели и задачи работы.

Первая глава диссертационного исследования – «**Политический язык и проблемы его изучения**» – посвящена существующим направлениям

политической лингвистики. Хотя политическая лингвистика занимается вопросами от выбора слова до выбора языка (Chilton P. 2004: 14), она объединена общим объектом – языком политики.

Существует общая тенденция ограничивать политическую лингвистику изучением языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. Такие исследования можно объединить в прагматическое направление.

Обзор этого направления дан в учебном пособии В.Е. Чернявской «Дискурс власти и власть дискурса» (Чернявская В.Е. 2006). Эта тема последовательно раскрыта П. Чилтоном в книге «Анализ политического дискурса» (Chilton P. 2004: 42-47), где выделяется три стратегических функции языка в сфере политической коммуникации: принуждение, легитимизация / дегитимизация, отображение / искажение. Существует ряд работ, которые раскрывают понятия государственной и электоральной коммуникации. Последнему виду коммуникации посвящено множество исследований, выполненных на материале текстов предвыборных кампаний. Язык СМИ также изучается в рамках политической лингвистики. Один из разделов диссертации посвящен термину *новояз*, впервые употребленному в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984», где новоязом назывался вымышленный язык тоталитарного общества, в котором слова могут означать нечто противоположное (например: война – это мир); а также работам Н. Хомского (Chomsky N. 1988a) и Б. Сарнова (Сарнов Б.М. 2002) по этой теме.

Освещен ряд работ по проблеме языкового сопротивления официальной идеологии, которое строится на «богатом множестве неоднозначностей, противоречий и несоответствий, которые ожидают быть использованными» (Роскок J.G. 1984: 41). Прежде всего, это работы Н.А. Купиной (1995, 1999) и М. Смита (Smith M.G. 1998), а также работы, посвященные различным жанрам политической коммуникации (Шейгал Е.И.

2010), прежде всего смеховым жанрам политической карикатуры, частушки, анекдота и пародии (Алтунян А.Г. 2006, Артемова Е.А. 2002).

О «волшебстве» и «чарах» метафоры в политической коммуникации говорится в работе Charteris-Black J. (2007: 45-46). В 1994 году был издан Словарь русских политических метафор А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова. Многие лингвисты приходят к выводу, что значительная часть языка политики строится на метафоре войны, соперничества или спорта (Beard A. 2000; Волковский Н.Л. 2002), из чего делается вывод, что политика не может быть ничем другим, кроме конфронтации, и исключает согласие и консенсус. Обзор направлений зарубежной политической метафорологии изложен в совместной монографии Э.В. Будаева и А.П. Чудинова (2008).

В работах когнитивного направления ставится цель воссоздать отражение мира, существующее в сознании носителей языка, через анализ языковых знаков. Политическая картина мира восстанавливается путем анализа ключевых концептов.

Для общего анализа политической картины мира используется теория политического мифа, рассматривающая мифологию развитых обществ (Friedrich C.J., Brzezinski Z.L. 1961; Tudor H. 1972; Клушина Н.И. 1996; Цуладзе А.М. 2003; Кольев А.Н. 2003; Савельев А.Н. 2003; Шестов Н.И. 2005). В работах Г. Катбертсона (Cuthbertson G.M. 1975: 156-160) развивается идея о том, что миф – это главный способ легитимизации и сохранения политической власти. Значительное внимание в этом разделе диссертации уделено дальнейшей разработке теории мифа (Lasswell H.D. & assoc. 1949; Merriam C.E. 1964).

Составной частью политического мифа принято считать ключевой политический символ. Для обозначения понятия «ключевой символ» используется целый ряд в разной степени употребительных, но в целом равнозначных терминов: *ключевая идея, ключевой символ, ключевое понятие, ключевое слово, архетипическое ключевое слово, ключевое слово текущего момента, ключ* (Соломатов С.И. 2005: 4), *культурная доминанта, концепт,*

опорная лексема, лексический маркер эпохи (Шачкова И.Ю. 2008: 4), *лексема-маркер* (Щёболева И.Б. 2008: 16). Для ключевых символов политики иногда используются специальные термины: *идеологема, актуальная политическая лексика, актуалема* (Черникова Н.В. 2008), *советизм* (для Советской эпохи), *симулякр*. Одними из наиболее частотных являются термины *концепт* и *ключевое слово*.

Существует ряд работ, посвященных политическим концептам «власть» (Калуженина Д.В. 2009, Каменская Ю.В. 2009), «Родина» (Игнатова Е.М. 2008), «свобода» (Онищенко М.С. 2009), «труд» (Чернова О.Е. 2007, Гоннова Т.Е. 2007 и др.), однако ни в одной из них не называются причины выбора именно этих концептов в качестве объекта исследования.

Во второй главе – «Язык права в политической лингвистике» – обосновывается включение языка права в объекты политической лингвистики.

Традиционно политическая лингвистика рассматривает язык права отдельно от языка политики. Так, в классических российских работах по политической лингвистике (Шейгал Е.И. 2004; Чудинов А.П. 2007) нет самостоятельного раздела, касающегося языка права.

В главе рассматривается такой лингвистический подход к изучению языка права, как изучение юридической терминосистемы (Виноградов В.В. 1947; Суперанская А.В., Герд А.С. 1976; Даниленко В.П. 1977; Подольская Н.В. 1989; Гринев С.В. 1993). Приводятся классификации устных и письменных правовых текстов (Tiersma Р.М. 1999), говорится о специфике работы исследователей в рамках судебной лингвистики (Баранов А.Н. 2007; Галяшина Е.И., Горбаневский М.В. 2006), о юридическом переводе.

Однако рассмотрение языка права как части языка политики может оказаться плодотворным для политической лингвистики. Понятие «политика» определяется в соотношении с понятиями «идеология» и «закон / право». Представляется, что в рамках политической лингвистики

исчерпывающими будут следующие определения этих понятий: политика – это деятельность, направленная на достижение, удержание и укрепление (государственной) власти; идеология – это система взглядов, объясняющая преимущества той или иной формы принадлежности и распределения власти (в государстве); закон – это способ языкового (знакового) закрепления той или иной формы принадлежности и распределения власти и контроля за ее осуществлением.

Предложенные определения политики, идеологии и закона объединены понятием «власть». Можно сказать, что идеология и закон являются составляющими политической деятельности: идеология задает направление политической деятельности и оправдывает ее, а закон закрепляет ее результаты. Соответственно термин *политический язык* понимается как языковая сторона деятельности, направленной на достижение, удержание и укрепление (государственной) власти; язык идеологии и язык права в своем единстве. Термины *язык политики* и *общественно-политический язык* в представленной работе используются в качестве синонимов термина *политический язык*. Термин *политическая лингвистика* понимается как направление лингвистики, изучающее функционирование языка в контексте общественно-политических отношений, причем в общественно-политические отношения включают и право, поскольку именно право закрепляет, кодифицирует основные общественные правила и традиции.

Привлечение языка права способно оптимизировать методическую основу отбора ключевых слов политического языка, поскольку язык права более стабилен и менее подвержен изменениям по сравнению с иными областями общественно-политической коммуникации. Введение новой методики отбора ключевых слов с использованием материала правовых текстов позволит добиться большей системности при описании лексики политического языка.

Третья глава – «Методика выделения ключевых слов политического языка на основе теории перформатива» – содержит

историю изучения перформативного акта, анализ основных условий его успешности, описание правового акта как речевого акта, а также предлагаемую методику выделения ключевых слов политического языка на основании структуры перформативного акта.

С точки зрения лингвистики, правовой документ (в юридической терминологии – правовой акт) можно рассматривать как речевой акт, совершенный в сфере политического общения. Текст правового акта является сообщением. Адресантом, автором является тот, кто принимает правовой акт. Адресатом – тот, на кого распространяется действие правового акта. Правовой акт – это не просто речевой акт, а перформативный акт, в котором совершаются действия *Учреждаю, Называю, Устанавливаю (право, обязанность, запрет)*. Классифицировать правовой акт как акт политической коммуникации можно, ориентируясь на то, имеет ли сообщение, адресант или адресат отношение к понятию «государство».

В главе рассматривается история появления термина *перформатив* и теории речевых актов. Говорится о книге Дж. Остина «Слово как действие» (Austin J.L. 1962), разработке понятия «процедура (совершения такого действия)» (Searle J.R. 1965), о введении формулировки «слово как социальное действие» (Бенвенист Э. (1958) 2002). Анализируются российские лингвистические работы, посвященные перформативу (Романова Е.Г. 1997, Четыркина И.В. 2006, Россолова О.А. 2008, Рычкова Т.А. 2011).

Внимание уделено работам общегуманитарного характера, посвященным проблеме перформативного поворота конца XX века, суть которого состоит в неприятии того, что у Дж. Сёрля названо процедурой: отказ играть навязанную социальную роль и переход к ломке стереотипов через перформанс (Хейзинга Й. (1938) 1997, Debord G. 1967, Turner V.W. 1982, Бахтин М.М. 1990, Вульф К. (2005) 2009, Доманска Э. 2011).

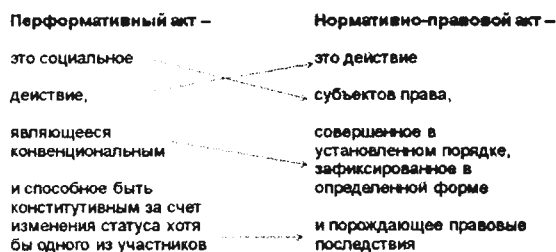
Понятия театрализованности, игры, ритуала, процедуры, роли и конвенциональности можно толковать через правовые понятия «право»,

«запрет», «обязанность» (или в терминах грамматики «модальность возможности / невозможности», «модальность долженствования»). Роль, в том числе социальная, социальный статус, социальная функция есть право делать нечто, запрет делать нечто другое и обязанность выполнять третье. Социальная роль предусматривается нормами общественного поведения. Наиболее просто определить ее, обратившись к правовым текстам, где она зафиксирована в письменном виде и не меняется в течение некоторого времени. Таким образом, текст закона создает, конституирует социальные роли для субъектов (физических и юридических лиц, органов власти). Социальные роли различаются комбинацией прав, запретов и обязанностей.

На основании изложенного выше делается ключевой для данной работы вывод. Правовые тексты устанавливают типы общественно значимых субъектов и действий, характеризующихся набором сигнификативных признаков – «право / обязанность / запрет» (термин *сигнификативный признак* по: Кобозева И.М. 2000: 57-63). Для наименования этих общественно значимых субъектов и действий в тексте правового акта выбирается определенная лексическая единица. Семантическое ядро этой лексической единицы составляют компоненты значения «право / обязанность / запрет». Таков механизм, объясняющий способность текстов правового характера создавать, «конституировать» общественную реальность.

Изменения в правовом акте могут повлечь за собой изменения в наборе прав и обязанностей, а следовательно, и изменения в значении и системном статусе лексических единиц. Так, согласно Конституции РСФСР 1918 года лексема *трудящийся* имела значение «лицо, имеющее гражданство РСФСР, выполняющее обязанность трудиться, обладающее избирательным правом, а также правом проходить воинскую службу с оружием в руках». В свою очередь словосочетание *нетрудовые элементы* (только мн.) имело значение «лицо, имеющее гражданство РСФСР, нарушающее обязанность трудиться, не обладающее избирательным правом, а также правом проходить воинскую службу с оружием в руках».

Свойство правового акта определять сигнификативные признаки общественно-политических реалий было отмечено культурологами и юристами. Так, М. Фуко писал, «надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, «исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует», «скрывает». На самом деле, власть производит. Она производит реальность» (Фуко М. (1977) 1999: 284). Схожий результат дает и сравнение определения перформативного акта Дж. Остина и философского, «неюридического» определения нормативно-правового акта, предложенного видным юристом С.В. Черниченко (Международное право 2011: 78):

В данной главе диссертации выдвигается основанный на методике компонентного анализа подход к выделению ключевых единиц общественно значимой лексики на материале правовых текстов. Ключевыми словами являются лексические единицы, называющие а) физические, юридические лица, органы власти, должности и т.д., для которых нормативно-правовой акт устанавливает свойственный только им набор прав и обязанностей, а также б) названия разрешенных, запрещенных или обязательных действий.

Предмет или явление действительности получает статус ключевого, если правовой акт устанавливает для него тип отношений. Существует множество типов субъектов общественной жизни и видов деятельности, которые эти субъекты способны совершать. Все они закреплены в словах и выражениях общелитературного языка. Однако далеко не все эти слова и словосочетания имеют статус ключевых слов общественно-политического

языка. Первая иллюстрация состоит из слов и выражений общелитературного языка:

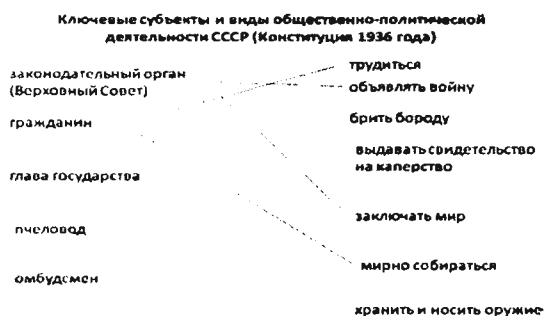
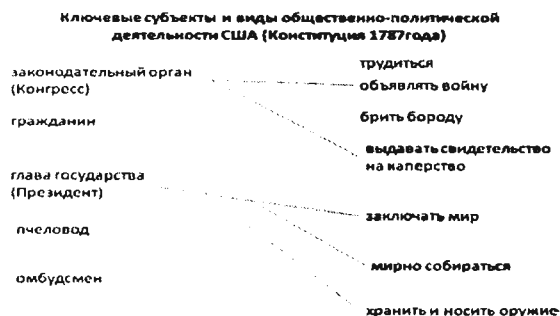
Наименования субъектов и видов деятельности

законодательный орган	трудиться объявлять войну
гражданин	брить бороду
глава государства	выдавать свидетельство на каперство
пчеловод	заключать мир
омбудсмен	мирно собираться хранить и носить оружие

Если, например, в конституционно-правовых актах по той или иной причине для пчеловодов будет установлено право брить бороду или, наоборот, для них будет установлен запрет на бритье бороды, то *пчеловод* и *бритье бороды* получат статус ключевых слов общественно-политического языка.

Важно помнить, что процедура выделения ключевых слов общественно-политического языка не так проста и естественна, как может показаться. Особенно это касается работы с лексикой общественно-политического языка родного государства, которую, казалось бы, невозможно не знать. Для того чтобы продемонстрировать, что такой подход является «ложным другом лингвиста», на примере тех же слов анализируем, какие слова имеют статус ключевых согласно действующей Конституции США 1787 года и Конституции СССР 1936 года. В качестве примера выбрана общественно-политическая лексика США, поскольку эта страна тоже кажется хорошо известной с идеологической точки зрения.

Методика работает следующим образом: для такого субъекта общественно-политической жизни, как законодательный орган (Конгресс) установлена, или предусмотрена, возможность объявлять войну. Слова *Конгресс* и *объявлять войну* приобретают статус ключевых, так как для этого субъекта установлено разрешение на объявление войны.

Если рассматривать синтаксическую структуру правового высказывания, то получится, что субъектом является законодательный орган (*Конгресс*), а предикатом – *объявлять войну*, при этом предикат осложнен объективно-модальным значением возможности: *Конгресс США имеет право... объявлять войну, выдавать свидетельство на каперство и репрессалии и устанавливать правила относительно захвата трофеев на суше и на воде* (Конституция США 1787 года, ст. 1, раздел 8).

Следуя этой логике, получаем, что для США ключевыми словами общественно-политического языка будут *Конгресс, гражданин, Президент, объявлять войну, выдавать свидетельство на каперство, заключать мир,*

мирно собираться, хранить и носить оружие. Для общественно-политического языка США статус ключевых слов отсутствует у слов и словосочетаний *пчеловод, омбудсмен, брить бороду, трудиться.*

Что касается СССР, то из этого же списка ключевыми словами можно назвать *законодательный орган (Верховный Совет), гражданин, трудиться, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций («мирно собираться»), решать вопросы войны и мира («объявлять войну и заключать мир»).*

Если сигнификативные признаки нескольких лексических единиц совпадают, из них выбирается ключевое слово по параметрам частотности употребления, последовательного использования, отсутствия оценочного компонента (т.к. рассматриваются правовые тексты): например, при синонимии существительных *гражданин* и *трудящийся* в Конституции 1936 года, в качестве ключевой была выбрана лексема *гражданин*.

Для целей данной исследовательской работы термин *ключевое слово общественно-политического языка*, или *ключевое слово*, понимается как единица словарного состава языка, используемая в речевом акте конституционно-правового характера (Конституция, Закон о выборах и др.) и имеющая в своем значении дополнительные семантические компоненты «право / обязанность / запрет».

Анализ структуры правового акта как речевого акта показал, что по типу значения все ключевые слова политического языка объединяются в несколько групп: 1) названия социальных групп, представителей социальных групп; 2) названия органов власти, представителей органов власти, должностей; 3) названия прав и обязанностей, лексемы *право, обязанность, запрет*; 4) лексема *государство* и наименование государства; 5) лексемы, называющие адресанта и адресата правового акта.

Ключевые слова могут выступать в качестве центра семантического гнезда. В семантическое гнездо попадают лексические единицы с теми же семантическими признаками, но осложненные оценочным компонентом

(Конституция 1918 года: *нетрудовые элементы* → *паразитически е слои общества*), лексические единицы, отличающиеся 1-2 семантическими признаками, не относящимися к разряду «право», «запрет», «обязанность». Например, слова, находящиеся в родо-видовых отношениях с ключевым словом: ключевое слово – *трудящийся*, единицы семантического гнезда – *рабочий, пролетарий, крестьянин* (Конституция 1918 года).

Создание перечня ключевых слов на материале конституционно-правовых текстов позволяет более строго систематизировать лексику общественно-политических текстов иного типа.

Четвертая глава работы – «Развитие семантики ключевых слов общественно-политического языка» – содержит описание ключевых слов в советских Конституциях 1918 и 1936 года, их семантических гнезд, а также изменения их системного статуса.

Всего на материале Конституции РСФСР 1918 года описано 118 лексических единиц, ключевыми являются 42 единицы, 19 из которых являются наименованиями прав и обязанностей. На материале Конституции СССР 1936 года описано 113 лексических единицы, ключевыми являются 49 единиц, 29 из которых являются наименованиями прав и обязанностей. Было показано, что особенно ярко динамика системного статуса слов советского политического языка прослеживается на примере наименований государства, а также существительных *трудящийся, совет, диктатура / иго / когти*.

Описание лексики в данной работе производится с ориентацией на выделенные в предыдущей главе группы. С учетом специфики Конституции как речевого акта лексика описана по четырем лексико-семантическим гнездам (ЛСГ):

- наименование государства (*Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Российская Республика, Федерация*);

- названия групп жителей государства, названия представителей этих групп (*народ, иностранные граждане, нетрудовые элементы*);

- наименования органов власти (*Верховный Совет СССР, депутат, Председатель Совета Народных Комиссаров*);
- названия прав и обязанностей (*труд, отдых, свобода собраний*).

В начале описания каждой группы содержатся перечни ключевых слов советского политического языка на материале Конституции РСФСР 1918 года и Конституции СССР 1936 года. В перечни также включены слова из текстов Конституций, не являющиеся ключевыми, но относящиеся к лексико-семантическим гнездам ключевых слов. Ключевые слова выделены полужирным. В скобках приводится статистика употребления слов. Поскольку Конституция 1918 года состоит из двух различающихся функционально и стилистически частей, то в скобках пишется условное обозначение части, а затем через дефис арабскими цифрами количество словоупотреблений в этой части. Первая часть – «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (орфография оригинала) – обозначается буквой «Д». Вторая часть – собственно Конституция – обозначается буквой «К».

1) **«Наименование государства»**. В Конституции РСФСР 1918 года: *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика* (К-36, Д-2) – *Р.С.Ф.С.Р.* (К-1), *Рабоче-Крестьянское государство* (Д-1), *Республика* (К-7); *Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов* (Д-1); *Российская Республика* (К-2, Д-1), *Российская Советская Республика* (Д-1), *Российская Федерация* (К-1), *Россия* (К-1, Д-3), *Советская Рабоче-Крестьянская Республика* (Д-1), *Советская Республика* (К-3, Д-1), *социалистическое отечество* (К-1), *федерация Советских национальных республик* (Д-1), *федерация Советских Республик России* (Д-1); прил. *российский, всероссийский*.

Наличие более одного наименования является нестандартным для юридического текста, поскольку рождает возможность неверного толкования. Такое число наименований частично объясняется составным характером Конституции 1918 года: она содержит политическую

Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Однако и без учета Декларации этот ряд насчитывает 9 единиц. В условиях фактического отсутствия государства с единой территорией и полным контролем органов власти на этой территории референция наименования государства затруднительна. Однако из всех названий следует, что речь идет о новом государстве, поскольку это всегда либо *республика*, либо *федерация*. Российская империя не была ни тем, ни другим.

Что касается употребления лексемы *Россия*, то возможна ее двойная референция. В части контекстов слово *Россия* обозначает новую страну: *Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России* (1918, К, 10). Однако статья 8, в которой устанавливается процедура вступления в новое государство, позволяет дать иную трактовку. Согласно этой статье, «рабочие и крестьяне всех наций России» имеют право решить, хотят ли они вступить в «федерацию Советских Республик России». То есть эти нации одновременно нации России и не нации России. О возможности референции лексемы *Россия* к прежнему государству говорит и следующая статья: *Не избирают и не могут быть избранными ... члены царствовавшего в России дома* (1918, К, 65).

Использование аббревиатур (в частности, *Р.С.Ф.С.Р.*) в юридических текстах является серьезным теоретическим вопросом, который должен регулироваться правовым текстом, например: *Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны* (Конституция России 1993 года, ст.1-2). В тексте Конституции 1918 года использование аббревиатуры *Р.С.Ф.С.Р.* специально не оговорено.

В тексте присутствует достаточно единиц для того, чтобы выделить внутри анализируемой группы самостоятельную группу лексем, объединенных единым компонентом значения «составной характер». Во-первых, это собственно существительное *федерация*. Например: *Автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику* (1918, К, 11).

Кроме того, это лексемы *объединение* [в знач. «союз»], *объединиться* [в знач. «создать союз»], *союз*, *сочлен*, *часть*. К моменту написания Конституции 1936 года компонент значения «составной характер» приобретает доминирующий характер и воплотится в названии нового государства – *Союз Советских Социалистических Республик*.

Группа «Наименование государства» в Конституции 1936 года имеет серьезные отличия от 1918 года:

Союз Советских Социалистических Республик (13) – *АССР* (5), *всесоюзный* (1), *общесоюзный* (9), *республика* (1), *республиканский* (4), *советская республика* (1), *советская социалистическая республика* (21), *Союз* (11); *Союзная республика* (68), в ед.ч. и *Союзная* с прописной; *союзно-республиканский* (8); *союзный* (1), прил. к союз; *союзный* (3), прил. к Союз Советских Социалистических Республик; *ССР* (5), *СССР* (159)

Во-первых, происходит смена названия государства – *Союз Советских Социалистических Республик*. В семантику нового названия входит компонент «составной характер, союз, объединение». Актуализируется группа лексем со значением «часть государства»: *республика*, *автономная республика*, *республиканский*. Лексемы этой группы используются много и последовательно. Отражена корреляция «часть – целое»: прилагательное *союзно-республиканский*. Сокращается количество разных наименований одного и того же государства.

2) «**Названия групп жителей государства, названия представителей этих групп**». Лексика этой группы в Конституции 1918 года делится на три подгруппы: А) все население, В) представитель населения относительно прав и обязанностей гражданина (гражданства), С) представитель населения относительно труда как обязанности. В связи с тем, что лексема *трудящийся* потеряла статус ключевого слова, став синонимом лексемы *гражданин*, лексика Конституции 1936 года делится на две подгруппы: А) все население, В) представитель населения относительно прав и обязанностей гражданина (гражданства). В квадратных скобках приводятся лексемы, которые не

употреблены в текстах Конституций, но восстанавливаются по значению образованных от них прилагательных.

А) Все население:

Конституция 1918 года: [*народ*] (0), *население* (К-8, D-1), [*нация 1*] (0), *нация 2* (К-1, D-1) – *всеобщий* (К-2, D-1), *народный* (К-16), *национальность* (К-2), *национальный 1* (D-1), *национальный 2* (К-3, D-1), *общество* (К-1), *общенародный* (D-1), *общественно* (К-1), *социализация* (D-1), *социализм* (D-1), *социалистический* (К-41, D-4).

Конституция 1936 года: *народ* (1), *население* (1) – *всенародный* (3), *народнохозяйственный* (5), *народный* (4), *национальность* (1), *национально-освободительный* (1), *национальный* (5), *общезжитие* (1), *общественно-политический* (2), *общественный* (14), *общество* (1), *референдум* (1), *социализм* (1), *социалистический* (13).

В разделе рассматриваются значения лексем *население*, *народ*, *нация*, *общество* в общелитературном языке и в Конституциях 1918 и 1936 годов с привлечением материала социологических и толковых словарей. Интегральной семой в значении этих слов является сема «группа людей»; в качестве дифференциальных сем выступают семы «территория», «политико-правовой статус», «язык», «тип отношений внутри группы» и «этническая принадлежность». Сигнификативный признак «тип отношений внутри группы» понимается широко как культура, традиции, история. Общественно-политические отношения являются совокупностью отношений между государством и человеком / группами людей, понятие «государство» невозможно без территории и населения. Отсюда можно сделать вывод о том, что слова, в значении которых присутствуют семы «территория» и «политико-правовой статус» относятся к ключевым словам общественно-политического языка. Такими словами являются *население*, *народ*, *нация* в значении «народ» и *нация* в значении «этнос». Лексема *общество* к ключевым словам общественно-политического языка не относится, поскольку не содержит в своем значении сем «государство», «территория».

Конституция 1918 года: *житель* (К-4); *избиратель* (К-6) – *избирательный* (К-6); *лицо* (К-9) – *единолично* (К-1); *человек* (К-9).

Конституция 1936 года: *избиратель* (3) - *избирательный* (6); *лицо* (5) - *личность* (1), *личный* (6); *человек* (2).

Строгое разграничение значений существительных *человек*, *лицо*, *избиратель*, *житель* имеется только в Конституции 1936 года. Конституция 1918 года демонстрирует смешение значений этих слов. В тексте Конституции 1918 года сохраняет неизменным свое значение только существительное *лицо*. Существительное *человек*, помимо идеологической формулы *уничтожение эксплуатации человека человеком*, употребляется в статьях, регулирующих нормы представительства в органах власти, т.е. какое количество людей выбирает и посылает в советы своего депутата.

В) Представитель населения относительно прав и обязанностей гражданина (гражданства)

Конституция 1918 года: *гражданин* (К-9) – *гражданский* (К-1), *гражданство* (К-2); *иностранец* (К-4).

Конституция 1936 года: *гражданин* (42) – *гражданский* (1), *гражданство* (2); *иностранец* (1) - *иностраный* (5).

В Декларации прав трудящего и эксплуатируемого народа 1918 года лексемы *гражданин* и *иностранец* отсутствуют. Это характеризует текст как не юридическую, но политическую декларацию. В Декларации внимание фокусируется на «трудящихся классах», что объясняется отсутствием на тот момент государства как такового. Это отражено в заключительной статье Декларации, где говорится о процедуре формирования даже не государства, а «союза трудящихся классов всех наций России» (1918, D, 8).

В Конституции 1936 года, Конституции победившего социализма, лексема *гражданин* образует синонимические отношения с существительным *трудящийся*, так как трудящийся по своим правам ничем не отличается от гражданина.

С) Представитель населения относительно труда как обязанности

Конституция 1918 года: *рабочее население* (К-1) – включает в себя граждан и иностранцев; *трудящийся*, сущ. (К-10, D-5) – *казак* (К-1), *казачий* (К-1, *крестьянин* (К-4, D-3), *крестьянский* (К-3, D-4), *крестьянство* (К-2), *служащий* (К-2), *пролетариат* (К-1), *пролетарий* (К-1), *работа* (К-2), *работать* (К-1), *рабоче-крестьянский* (К-2, D-2), *рабочий*, прил. (К-6, D-8), *рабочий*, сущ. (К-5, D-3), *трудиться*: прич. (D-6), *трудящееся население* (D-1), *трудящиеся классы* (D-1), *трудящиеся массы* (D-3), *трудящийся народ*; *труд* (пересечение с группой «называния прав»); *нетрудовые элементы* (К-1), *буржуазия* (К-2, D-1), *буржуазный* (К-1, D-1), *имущие классы* (D-1), *капитал 2* (К-1), *капитал 1* (К-1, D-4), *паразитические слои общества* (D-1), *помещик* (D-1), *царствовать* (К-1), *царь* (D-1), *эксплоатация* (К-1, D-1), *эксплуатировать* (D-2), *эксплуататор* (D-6).

В Конституции 1936 года все наименования групп населения можно классифицировать внутри группы «представитель населения относительно прав и обязанностей гражданина (гражданства)», т.к. лексема *трудящийся* теряет статус ключевого слова.

3) «Наименования органов власти»

Конституция 1918 года: *Совет Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов* (К-1) - *Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов* (D-4); *Совет Депутатов* (К-5), *Совет* (К-118, D-12), *Советский* (К-64, D-15); *Съезд Советов* (К-44, D-11) - *Советский съезд* (D-1), *Съезд* (К-5); *Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов* (К-11, D-1); *Совет Народных Комиссаров* (К-21, D-1)

Конституция 1936 года: *Совет депутатов трудящихся* (22) - *советский* (209) (переходит в группу «Наименование государства»); *Верховный Совет* (79) - *Съезд Советов*, ист. (1), *Совет Союза* (11), *Совет Национальностей* (11), *Президиум Верховного Совета* (21) - *Президиум* (4); *Совет Народных Комиссаров* (30), *Правительство* (3).

Лексический состав группы «Наименования органов власти» в 1918 и в 1936 году изменился мало, однако системные отношения между лексемами претерпели серьезные изменения. Статистика употребления лексем привела к тому, что существительное *Советы* потеряло значительную степень самостоятельности в употреблении. В Конституции 1918 года лексема *Советы* встречается в форме множественного числа (всегда с прописной). На эту словоформу приходится 90% словоупотреблений по сравнению с формой единственного числа. Самостоятельное употребление лексемы *Советы* (К-63) превышает по количеству употребление синонимичных словосочетаний *Советы Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов* (К-1); *Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов* (D-4); *Совет Депутатов* (К-5). Об особой значимости лексемы *Советы* говорит ее неизменное написание с заглавной буквы, причем не только в названиях высших органов власти (*Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов*), но и при употреблении в качестве имени нарицательного. Вероятно, это объясняется психологическим фактором новизны – появлением новой, представительной власти.

В Конституции 1936 года самостоятельное, вне других наименований, употребление лексемы *Совет* как стяжение словосочетания *Совет Депутатов Трудящихся* не встречается. Она употребляется только в названиях высших органов власти: *Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, Совет Союза, Совет Национальностей*. Закономерно, что за счет такого употребления в составе имен собственных «стирается» внутренняя форма слов в составе названий и снижается актуальность Советов как символа представительной власти и формы ее организации. Этот спад отражается и в том, что перестает соблюдаться обязательное написание с прописной буквы, как в Конституции 1918 года. В словосочетании *Советы депутатов трудящихся* прописные буквы также используются непоследовательно. Если в Конституции 1918 года все слова писались с

заглавной буквы, то в Конституции 1936 года, с заглавной пишется только первое слово, либо все слова пишутся со строчной.

На фоне деактуализации лексемы *Совет* в значении «орган представительной власти» лексема *советский* теряет свои связи с группой «Наименования органов власти» и начинает функционировать как относительное прилагательное к *СССР* в значении «относящийся к государству СССР; отражающий специфику государства СССР; характерный, соответствующий духу страны Советов», переходя в группу «Наименование государства».

4) Лексика группы «**Названия прав и обязанностей**» описана в трех подразделах: лексема *право* и лексемы ее семантического гнезда *свобода, вправе, начала, закон* и др.; лексема *обязанность* и лексемы ее семантического гнезда *повинность, долг, дело чести* и др.; изменения в формулировках тех или иных прав и обязанностей *воинская повинность* (Конституция 1918 года) → *воинская обязанность, защита Отечества* (Конституция 1936 года).

Проводимый по ходу описания лексики анализ словарных толкований выбранных лексем в Толковом словаре языка Совдепии под редакцией В.М. Мокиенко (1998) показал, что в качестве иллюстративного материала привлекается почти исключительно текст Конституции СССР 1977 года. Иногда в качестве источника иллюстраций указаны Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Большой академический или Малый академический словари, в то время как действительным источником является текст одной из советских Конституций.

Сравнение результатов описания лексики с результатами других работ по советскому политическому языку 1920-30-х годов (Якобсон С., Лассвелл Г. 2009; Купина Н.А. 1995, Романенко А.П. 2000, Ворожбитова А.А. 2000, Выходцева И.С. 2006, Каменева Л.А. 2009, Яшин В.Н. 2010, Золотова В.А. 2011, Басенко Г.В. 2011; Кегеян С.Э.,

Ворожбитова А.А. 2011) подтверждает эффективность научных подходов, учитывающих специфику речевого акта, в котором рождается текст, становящийся материалом исследования.

В заключении формулируются основные выводы исследования, легшие в основу положений, выносимых на защиту, а также высказывается надежда на то, что результаты диссертационной работы будут способствовать тому, что язык конституционного права займет заслуженное место среди объектов политической лингвистики, а перспективность использования язык права в целом будет по достоинству оценена специалистами по лексикологии и семантике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Язык конституционного права, может становиться объектом исследований по политической лингвистике на том основании, что публично-правовые акты регулируют отношения между государством и обществом. Коммуникация именно в рамках этих отношений является объектом политической лингвистики.

2) С точки зрения лингвистики, правовой акт (любой правовой документ – Конституция, закон, договор) является речевым актом. Особенности разных типов правовых актов следует рассматривать с точки зрения структуры речевого акта, отвечая на вопросы, кто является адресантом, адресатом и что является сообщением.

3) Правовой речевой акт является перформативным. Основными глаголами-действиями в публично-правовых актах выступают глаголы *Учреждаю, Называю, Устанавливаю (право, обязанность, запрет)*.

4) Речевой акт «Конституция» является перформативным и устанавливает, «конституирует» отношения в масштабах всего общества в одном государстве.

5) Ключевые слова общественно-политического языка выделяются на основе конституционно-правовых актов. Ключевое слово политического

языка является единицей словарного состава языка, используемой в речевых актах конституционно-правового характера и имеющей в своем значении семантический компонент «право / обязанность / запрет».

6) Совокупность ключевых слов является ядром общественно-политической лексики. Неизменяемость конституционно-правовых актов в течение некоторого времени обеспечивает стабильность лексического ядра в определенный период. Тексты Конституций являются «синхронными срезами» лексики, причем при общей динамичности лексического состава языка они статичны в течение всего срока действия Конституции, что может упрощать систематизацию лексических единиц языка.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях автора:

1) Идеологема *Красная Армия* в советской предвоенной прессе // Материалы секции XXXVI Международной филологической конференции (12-17 марта 2007 года, Санкт-Петербург) / Вып. 14: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл) / Отв. ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 33-41.

2) Лексические средства оценки партийной оппозиции на XV съезде ВКП(б) // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл): Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции, 11-15 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Отв. ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова. СПб.: Ф-т филологии и искусств, 2008. С. 45-50.

3) Закон как отражение политической ситуации (на примере советских Конституций 1918 и 1936 годов) // Современная политическая лингвистика: Тезисы Международной научной конференции (Екатеринбург, 29.09 – 6.10.2011) / Гл. ред. А.П. Чудинов; УрГПУ. Екатеринбург, 2011. С. 174-176.

4) **Язык права в политической лингвистике (тексты советских Конституций 1918 и 1936 годов)** // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; УрГПУ. Выпуск 4(38). Екатеринбург, 2011. С. 217-222.

5) Перформативный поворот и язык права // Этносоциум и межнациональная культура / Гл. ред. Е.Л. Рябова. Выпуск №2(44). М.: Этносоциум, 2012. С. 168-173.

Подписано в печать 04.07.2012 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 2,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 2794.

Отпечатано в ООО «Издательство «ЛЕМА»»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>

102